

Татяна Иванько

Золото. Том 4

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Золото. Том 4 / Иванько Т. В.; худ. Иванько Т. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 187 с.

ISBN 978-5-532-95924-8

Что принесло золото в страну Солнца? Всеобщее благоденствие, процветание и расцвет? Или сытая распущенность, подлая слабость и заговор расцветут и распространятся вширь и в глубину? Чем грозит царству внезапная болезнь Великого Белогора? Что произойдёт в случае его гибели? Ориксаю приходится думать и об этом, и кто в новых условиях поддержит молодого царя, а кто предаст, отходя всё дальше от древних законов Великого Севера. Сможет ли Ориксай выстоять перед сонмом врагов, когда его главный союзник отправится в мир иной? Как судьба Белогора изменит планы заговорщиков? А царица? Выдержит ли любовь царя испытание правдой? Что ждёт преступников? И какие преступления совершены и совершаются под личиной благих намерений? Кто раскроет их? Кто прольёт свет? Или прольёт кровь?..

ISBN 978-5-532-95924-8

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 14	4
Глава 1. Страшно...	4
Глава 2. Перемена участи	13
Глава 3. Баба-Яга	26
Глава 4. Дальше в темноту	37
Часть 15	43
Глава 1. Меч	43
Глава 2. Посулы и надежды	56
Глава 3. Я решаю!	65
Глава 4. Гниль	71
Часть 16	79
Глава 1. Хворост разложен	79
Глава 2. Шуршание драконьей шкуры	89
Глава 3. Зелёный туман	104
Глава 4. Удар	115
Глава 5. Золота ржа не берёт	124
Часть 17	136
Глава 1. Раскол	136
Глава 2. На разрыв...	147
Глава 3. Скажи о любви!	153
Глава 4. Гроза	163
Глава 5. Холод	173

Часть 14

Глава 1. Страшно...

Я даже думать не хочу о том, что я увижу. Я не хочу! Не хочу! Нет! Что случилось, Бел? Что же случилось? Как ты мог заболеть? Ты?! Что ты сделал, чтобы заболеть? Почему?!

Завидев меня издали, у ворот Солнечного двора ко мне бросились, кажется все, кто на Солнечном дворе есть, включая гусей и собак. Жрецы и их помощники и помощницы с радостными лицами, будто увидели солнце после зимней ночи.

– Государыня! Нашли тебя!

– Счастье-то...

– А мы думали...

– Ужо...

– Тебя нигде нет...

– А за Великим Белогором никому нельзя...

– Окромя золотой царицы...

Все столпились вокруг крыльца в терем Великого жреца. Хорошо, что остереглись подойти. Для Бела единственный лекарь – это я. Он для меня, я для него. Вот только он кудесник, а я всего лишь помощница лекарей...

Люди Белогора, кто прислуживает ему, кто видел на дворе, наперебой рассказывают мне, как он приехал ещё днём, едва живой...

– Волосы мокрые, сам белый как смерть, глаза блуждают. Поднялся наверх...

– Только и услышали грохот, а это он упал...

– Мы к нему, на кровать унесли, но...

– Даже раздеть ить нельзя...

– Цельный день тебя ждём, царица!

– Доброгнева приезжала, напугалася тоже...

– Прямо помертвела...

Всё это я слышала, пока спешившись, почти бегом пронеслась от ворот до крыльца и дальше по ступенькам. Эти слова и картинки, вызванные ими в моей голове, смешались в липкую кашу. Из всего я понимаю только одно: с Белом случилось то, чего не могло случиться.

Но я уже бегу вверх по лестнице, скорее к нему... Бел, как же так...

Распахнута дверь в его спальню. Вбежав в его покои, поспешила закрыть двери на задвижку, чтобы ни у кого не возникло соблазна войти или хотя бы заглянуть – всё вытянет силу.

Вот он, Бел... Милый, как же ты... Почему?..

Я бросилась к постели, надо понять, что с ним. Доброгнева сказала... Но ведь могли и отравить... Хотя кто, кроме неё, а она напугана... Кто... Явор...

Бел очень бледный и лежит навзничь. Безвольно, он не лежит так никогда...

– Бел! Бел!

Я к его плечам руками, он весь горит, сквозь рубашку мне печёт ладони... Надо снять рубашку, всю одежду, охладить его... Но как же снимешь, когда он тяжёлый будто каменный валун... я разрежала рубашку на нём, сорвала с могучих плеч, выглянув за двери, приказала принести льда – если чуть остынет, ему, сердцу станет легче... Может, очнётся, поможет мне...

Лёд принесли быстро. Постучали, я вышла за ведром:

– Руками не хватали? – спросила я.

Но вижу: на них рукавицы, знают, голыми руками нельзя касаться того, что его коже прильнёт.

– Что прикажешь ещё, царица?

Я посмотрела на них:

– Молитесь. Солнце село, сердцами молитесь и мыслями, до рассвета, а там вместе выйдем и помолимся ещё!

Горстями я прикладывала снег на грудь, прямо на сердце, и к вискам, а ещё, подумав, к запястьям и под колени. Жара, и он раскалённый, снег тает очень быстро. Пока я снова и снова кладу сугробы

на него, я замечаю, что он дышит неполно, не так как всегда. Вот, значит, что ту... Лёгкие застудил... задохнётся... Что же я сделаю?

От бессилия, отчаяния закипели слёзы в горле... Я сжала себе грудь, застывшую болью: Господи! Опустит, не души его! Не души! Оставь здесь!

Вдруг Белогор вдохнул глубже, поднял руку ко мне:

– Ты?... Здесь... пришла... Ава-а... Ава... – он смотрит сквозь ресницы. – Прости меня... м-м-м...

Со стоном повернулся, потёк, покатился снег с его груди на простыню... но она тут же и сохнет, так жарко...

– Бел, милый, мой любимый, не проваливайся, держись!.. Держись же! Слышишь? Ну?!.. Помоги же мне! – обрадовалась я, увидев этот проблеск.

– Ава... прости меня... я... не могу жить... не могу... я тебя... я с этим не могу теперь... Ты прости меня... – он втянул воздух с силой, приподнимаясь чуть-чуть... по гладкой, безволосой груди расплзлись струйки воды от растаявшего снега.

– Бел... помоги мне... что мне делать? У тебя лёгкие не дышат!

– Пусть... я умираю... я умру, хорошо... это хорошо... хорошо будет... – выдохнул он.

– Нет! – я притянула его к себе.

Всегда думала, он небольшой, а он такой тяжёлый... Я не могу оторвать дюжие плечи от подушки. Бел, милый, нельзя, чтобы ты... нельзя...

– Белуша, не вздумай! Пожалуйста! Останься со мной!

Волосы его тяжёлыми мокрыми прядями тянутся за затылком, цепляются за мои пальцы, я не могу удержать его...

– Милый, любимый, мой дорогой, как же ты бросишь тут меня? Совсем одну?! Одну бросишь?!

– Я тебя... я предал тебя... И тогда, в детстве, когда не заметил... ничего. Ничего, что Дамагой делал, а должен был... Должен был, если бы любил тебя, а не гордился... – он вдохнул, набирая воздуха, а он почти не входит в него, ему нечем там, в груди дышать...

Но заговорил, спеша, снова:

– И теперь... Орику отдал... отдал, а потом... непростительно. Я старше, я должен был защищать тебя, а я... Но, Ава... я не знал... я не думал, и сердца не было у меня... Я так хорошо... я так сладко жил без него... без сердца... У тебя есть. Есть сердце, Ава...

Он улыбнулся даже, смотрит из-под опущенных век, голубые-голубые глаза и будто лучики солнца внутри...

– Есть сердце... я касался его своей рукой. Тёплое, бьётся... жизнью бьётся... И я... я вожу им, Ава... прости меня, я... когда увидел тебя... ты...

Он закашлял, но тут же задышал тяжело и быстро, быстро, будто торопясь сказать:

– Я... Он сказал, что отнимет что-то... и отнял... нашего сына забрал...

– Не надо, Бел... – плача, прошептала я.

Больно... больно даже думать об этом. Не надо, Бел... Тем более... Но он даже сел, не валится уже тяжёлой безвольной спиной, смотрит на меня:

– Это потому что я так... вот так это сделал... Тайно, обманул тебя, зашёл в Лабиринт... так нельзя... Но я думал, ты не пойдёшь, если я скажу всё. Не пошла бы... Я знал, что там, в Лабиринте, мы... Обманул тебя. Ты всё правильно тогда сказала... а я... Ава... ты для меня... я не думал, пока вот в эти недели... пока не узнал тебя. Я думал, что люблю тебя, но я и не знал, что это значит... Знаю теперь... это... Это так больно... – он наклонил голову лбом ко мне... – Ты никогда не сможешь теперь верить мне... все предают тебя... и я – главный предатель... я не могу оставаться им... Ава-а-а!

Бог милосердный, он плачет, хватая меня за плечи тяжеленными раскалёнными руками... Словно расплавленным железом наполнился.

– Бел... не надо, – я обняла его голову, мокрую густыми волосами, горячую. – Ну, не надо...

– Я... видел тебя... с ним... – он поднял глаза на меня, зрачки широкие во весь глаз. – Я вас видел, там... в лесу вас видел... вас двоих... – он прижал ладонь к лицу. – Его спина, такая... такая длинная... такая гибкая, от пота блестит... мышцы как вожжи

натянуты... Ах, Ава... и как... н-н... Ава... я видел всё... Ты его любишь... Ты так его любишь, что мне страшно! Мне страшно...

Он опять смотрит мне в лицо громадными зрачками, будто хочет проглотить меня ими.

– ОН мне сказал, что я увижу... А я не могу, если ты меня не любишь! Ты всегда меня любила и вдруг не любишь больше... Я хочу умереть... Так больно, я думал, уже умер, как больно... Я не смогу без тебя... Я думал я другой... И у меня нет сердца, а там одна боль. Раскалённая как сталь в горне... одна боль!.. Ава-а-а... я сам всё это сделал! Нева говорила: не трогай её! Но я... я тогда думал о другом... а теперь... теперь, я знаю, я хотел, чтобы ты вернулась и любила меня. С самого начала. Меня никто не любил, кроме тебя, я это помнил... И тосковал... Так тосковал без тебя... Даже не думал... Вот потому хотел, чтобы ты вернулась... только для этого, вот что... Теперь только и понял. Ты... никогда не простишь меня?.. Я так напугал... я погубил нас. Нашего сына первым... Я посланник Зла для тебя...

Господи, да что же это такое?!.. Что в голову себе забрал... Господи, спаси его!

– Бел, послушай, – я обняла его, чтобы он слышал. – Я всегда буду рядом. Слышишь меня, никуда не денусь. Никогда. Нас осталось двое всего... Что захочешь, Белушенька, всё, что захочешь, только не умирай. Только не умирай! Останься... – у меня потекли бессильные слёзы, я понимаю, что ничем не могу помочь ему, его грудь почти не дышит, его сердце колотится так быстро, что вот-вот захлебнётся... – Не умирай, слышишь?

– Ава... Авуша, девочка... Девочка... моя девочка... простишь меня? – шепчет он, жаром дыхания обдавая мне кожу.

– Простила давно, не говори об этом! Пожалуйста, помоги мне, вернись! – заливаясь слезами, говорю я.

– Зачем тебе я? Я...

– Бел! Не умирай!.. Слышишь, ну, что мне сделать?.. Только не умирай!.. – я уже рыдаю...

Что мне ещё сделать, чтобы убедить его, чтобы заставить остаться? Я чувствую, он просто не хочет. Он сможет, если захочет. Но он не хочет... не хочет... «Посланник Зла», да что ты, Бел...

...Горячая чернота обступает меня. Я позволил болезни взять меня. Я мог не позволить. Я мог не подпустить её даже. Но я хочу умереть. Я не смогу жить без Авы. Она не моя теперь, я её отдал! Отдал! Сам отдал. Никто не заставлял!.. А Орик взял.

Что теперь осталось? За что мне бороться?.. Только сдохнуть... Но вот она... Пришла... пришла... к сердцу тепло, будто в ладошки взяла. Ава, не отпускай... пока ты его держишь, я не уйду.

Говорит со мной и плачет... надо всё успеть сказать. И всё. Всё, не стану я бороться...

– Я Тебе «не стану»!.. А ну!..

Его голос грохотом в голове...

– Кто ты? – воскликнул я. – Ты – Он? Ты же ушёл, не отвечал мне!

– А Ты хочешь, чтобы Я Тебя всю жизнь водил?! А ну, возмись! В Тебе сил на сто лет! Я Тебе столько дал, чтобы Ты отказывался?! Не смей!..

Меня сотрясло будто от толчка.

– Ты мучаешься? – хмыкнул Он. – Я говорил! Я говорил, что будет это – эта боль! Но Ты хотел любви! Это любовь! За блаженство платят болью!

– Я не смогу без неё!

– Она рядом! Я не забрал Её! Ты умолял не брать, Я оставил. Я Тебе Её оставил!

– Она его любит! – плачу я.

Я жалок и слаб...

– Всё! Не возьму Тебя! Живи, пей жизни полный кубок!..

Ночь накрыла город и терем духотой и непроглядной тьмой. Сегодня на Лунном дворе траурный день – Новолуние. Поэтому наше полуночное моление пронизано тоской и слезами. И это как раз то, что заполняет мою душу: Белогор заболел, я чувствовала это сегодня, поэтому такая тоска и мутность переполняли меня с самого утра.

Он никогда не болел, он может остановить любую болезнь. В других, а в себе тем более, на подступах уже. Как же он мог впустить эту?

Впустил сам... Почему? С ним что-то не то творится в последнее время. Так расстроен, что не родится его ребёнок? Ну и что? Ещё сто раз можно... Думает, Авиллу не возьмёт в оборот?..

Вернувшись в свои покои, я застала Явора. Я и забыла, что звала его сегодня... его жёсткие руки, губы, его ласки... кто бы знал, до чего мне сегодня это в тягость.

Этих постельных утех мне желалось за всю жизнь с одним только моим милым Белогором. А он лишь показывал, показывал, что я ему не ровня.

Не ровня, да. Но ровню тебе не взять. Никогда не взять, как бы ты не упирался! Так и люби же меня!

Мне хотелось плакать. Явор воспринял мои слёзы как свидетельство страсти.... К счастью, за многие и многие годы я научилась изображать всё, чего они хотят. Мне, моему телу радости от этих взаимодействий, которых так много в моей жизни, нет никакой, но мужчины должны думать, что дарят мне уладу, в которой я тону, как муха в патоке ... Где бы я была, если бы не умела этого?.. Все и всегда ценили именно это во мне. На что красота, если она не радует?.. Вот я и радую.

Но сегодня самая тяжёлая ночь за всю мою жизнь...

Орик выслушал всё, что так сбивчиво рассказывала Вея. У меня волосы шевелятся на голове от её слов. При этом допросе присутствуем только я и Орик. И когда она говорит об Авилле, когда рассказывает, что подслушала наш разговор на лестнице, как решила, что я, сознаясь ей во всём, в действительности затеял побег с Онегой, мне хочется провалиться со стыда. И за Вею, и за себя.

– Уведите эту женщину к её детям, – сказал Орик.

– Царь, а что же с моим мужем?! – воскликнула Вея, всё такая же всклокоченная, какой я нашёл её у каморке.